

ЗАКАТНЫЙ РОМАН, ставший составной частью нашей культуры и мифологии, — одна из самых знаменитых книг минувшей четверти века. Безусловно уступив в славе «Архипелагу ГУЛАГ», тем не менее уверенно вошел в классический набор, характеризующий тем, что книги из него хвалят не читая (слова Честертона). Роман стал явлением массовой культуры.

В сентябре «Аргументы и факты» (№ 37) опубликовали данные опроса городского населения трех славянских государств: самым популярным писателем оказался А. Солженицын (23% опрошенных), затем шли А. Кристи, братья Стругацкие и М. Булгаков (10—12%). А третья группа составила еще оригинальнее: Лев Толстой, А. Пушкин, В. Пикуль и С. Есенин (8—10%).

В результате стоит задуматься хотя бы для того, чтобы понять, как воспринимает Булгакова и, очевидно, его самый знаменитый роман массовое читательское сознание. Судя по всему, Булгаков уступает лидеру по «параметру гонимости и страдательности», а в своей подгруппе воспринимается как представитель жанра детектива или фантастики. Во всяком случае соседство с А. Кристи и братьями-фантастами не случайно: опрос наверняка объединил литературу с общими «потребительскими характеристиками».

Можно представить возмущение классиков нашего булгаковедения, рефлексивно рассуждающих в связи с «Мастером» о высочайших духовных категориях «всех времен и народов», о противостоянии творца и власти, о вечной и всепобеждающей любви, о Флоренском, о «пятом измерении», о традициях Гоголя и Гофмана. Именно таков канон интерпретации, таков и интеллигентский миф. И могло ли быть иначе, если первая порция романа появилась в журнале «Москва» в ноябре 1966 года, а в феврале того же года состоялся суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем?

Гротески «Мастера» воспроизвели то, что инкриминировалось «литературным фашистам» и было категорически осуждено: «у»е набившие оскомину слова о «праве доминика на самовыражение», об условностях, гиперболах и т. д.» (из статьи известника Ю. Феофанова). В феврале 1966 года осудили по статье УК тот тип литературной образности, который в классическом и неповторимом варианте предстал в ноябре перед читателями. Конечно, в журнале было множество купюр, цензурных изъятий, о них вскоре написал Л. Ржевский в статье «Пилатов грех» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1968. Кн. 90; к сожалению, статья у нас не републикована). Но обвинения, которые рассыпал тогда в «Правде» некий Т. Петров, назвали прямо относящимися к булгаковскому роману: «А сам подбор героев и всех действующих в этих романах, рассказах, повестях... «памфлетах» персонажей? Это ведь уж руна автора собирала их, его мозг измышлял невообразимое скопище уродов и чудовищ. Ради чего? В угоду патологической фантазии! Но почему же эта фантазия, стремящаяся к «парадоксальным построениям», разыгрывалась на почве советской действительности, упорно избирала объектом своего глумления советских людей, нашу советскую жизнь?»

Изначально оказавшись в состоянии «потенциального подсудимого» (ибо только что прошел процесс, булгаковскую эстетику осудивший), роман «Мастер и Маргарита» был помещен в своего рода «интерпретационный инкубатор», в котором его выхаживали и защищали до самого недавнего времени.

Это было вполне естественно: чтобы защитить роман и право на его изучение (а почти все материалы, связанные с творчеством Булгакова, начиная от берлинской газеты «Накануне», финансировавшейся тайно из Москвы, тогда находившейся еще в отделах специального хранения), надо было непрерывно вышивать и облагораживать контекст. А. Вудис придумал, например, сравнение с мениппеей, заимствованное у М. Бахтина (вообще-то 14 признаков мениппей, сформулированные М. Бахтиным, столь тотальные, что позволяют отнести к этому жанру едва ли не любое сочинение даже с самым примитивным фантастическим элементом и скачками во времени). Начали писать о Гете, Пушкине, Гоголе, Гофмане... Вся мировая литература пошла в дело, все наивысшие ее идеи и сюжеты. Соответственно и личность автора постепенно приобрела черты идеала (того времени, разумеется): советскую власть любил, революцию

принял, не бунтовал, не возражал, не входил, не был, не участвовал; заслуживает публикации.

Инерция «выхаживания» оказалась, однако, столь мощной, что даже после отмены цензуры говорить о том, что в 1919 году Булгаков не был насильно мобилизован, а пошел в белую армию добровольцем (армия потому и называлась Добровольческой); что в дневнике Булгакова в 1924—1925 годах бросаются в глаза антисемитские высказывания, образующие систему, что писатель ненавидел советскую власть, что любил евреев, сломался на «Батуме», что «Мастер и Маргарита» растет не только из «фаустовского» корня, но еще из бульварной литературы начала XX века, — так вот, и после отмены цензуры и упразднения власти агитпропа говорить обо всем этом не принято: «Не тащите мастера на баррикады, — просят, — не тащи-и-те». Как будто Булгаков не

года в «Новом мире» появилась памятная статья В. Лакшина о «Мастере». «Заметно обеспокоились, — осторожно замечал тогда критик, — лишь некоторые профессора литературы. До сих пор Булгакову не находилось места в их монографиях и стабильных курсах литературного процесса... чем сложнее, непривычнее творчество писателя, тем больше с ним хлопот и неприятностей».

Но годы идут, возникли новые профессора, и новые монографии и «стабильные курсы». И опять оказалось, что изучение надо прекращать, потому что роман действительно приносит сюрпризы, потому что нельзя писать вступительную статью к собранию сочинений в 1989 году практически с той же идейной и фактической оснасткой, что была за 20 лет до того.

И вот цитата: «В последнее время булгаковедение сделало мощный рывок в своем развитии, достигнув некоей кри-

правильно: прошло 25 лет, возникло новое поколение, в том числе и новое поколение исследователей романа, и оказалось, что роман у него тоже не «свой», и отношение к писателю иное, идеологизированное, «насмешливое», бесслезное, может быть, надменное.

Что же касается фантов, то только сейчас и начинается их серьезное, систематическое изучение: знаем, вряд ли можно игнорировать сопоставление системы персонажей романа со структурой ордена иллиминатов или мазохистские рефлексии в «Зойкиной квартире», где главная героиня, Зоя Пельц, отсылает к роману Л. Фона Захера-Мазоха «Venus im Pelz» («Венера в мехах»).

Не буду лукавить: говоря все это, имею в виду и две собственные статьи: «Сатана в нестерпимом блеске...» («Литературное обозрение», 1991, № 5) и «Еврейские тайны» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» («Согласие», 1991, № 5). В обоих случаях я рассматриваю великий роман как путеводитель по мифам и образам субкультуры русского антисемитизма (СРА), рефлексии которой во множестве разбросаны по «Мастеру и Маргарите». Именно в недрах СРА была в свое время разработана сюжетная схема мирового еврейского заговора (овеществленная в «Протоколах сионских мудрецов»), и, возможно, ее трансформация и стала основой романа, где Велизар Вельярович Воланд и свита играют миром. Во всяком случае, такова гипотеза, подкрепляемая, например, анализом мотивов денег и ирригии, а также образа Воланда, который не избавлен от черт салонного черного мага и каббалиста, под названием в романах СРА масонировались именно еврей-сатанисты, направленные из-за границы в Россию для подрывной работы в пользу Сиона.

Индивидуальные реакции на эту концепцию заслуживают отдельного изучения, но я хочу отойти от этой темы в сторону. Ибо сказать надо о важной тенденции в понимании «Мастера», которая сложилась к исходу двадцатипятилетнего познания романа и которая вбирает в себя как частный случай концепцию романа как путеводителя по СРА. Речь идет о тенденции, которая направлена на снижение контекста и, соответственно, на разрушение интеллигентского мифа.

И тут я должен вернуться к тому, с чего и начал: к опросу. Парадокс состоит в том, что массовое сознание, поставившее Булгакова рядом с Агатой Кристи, гораздо точнее ошугило генизис и природу текста, чем те, кто рассуждает о Канте и Герберте.

Всю жизнь сознательно стремившийся к славе, успеху, Булгаков писал роман, на успех как бы обреченный. Это выразилось не только в особом роде упреждения основных линий романа, заставляющих вспомнить о технологии изготовления экспонатов «маскульта», но и в упрощении центральных образов до схем, лишенных глубины и психологии, до знаков. Булгаков использовал готовые бульварные жанры в качестве строительного материала, отбирая лишь то, что уже доказало свою несомненную способность поражать и увлекать читателя.

Иными словами: желая роману надежного успеха, Булгаков обратился к бульварной мистике, к оккультизму, замешанному на антисемитизме (был в начале века такой особый жанр), к роману тайн, к детективному интригам, в которых призом является бессмертие, наконец, к мистико-охранительной тенденции (например, роману М. Загоскина «Искуситель»). Расчет, думаю, был прост: читатель 1930-х и последующих годов вряд ли догадается о корнях этих сюжетов и мотивов, но наверняка — так же, как и читатель 1900—1910-х годов, — сильно увлечется всем этим материалом, покоренный примитивной заимчивостью.

Интересно в этом свете предстает старый интеллигентский миф-60, «поднимающий» роман: миф оказывается чистым романтизмом (что и следовало ожидать), одевающим «грязную» реальность в «белые одежды», что-то вроде истории, описанной Гоголем в «Невском проспекте».

Эрозия романтического мифа — сюжет всей нашей жизни и 25-летней рецепции романа в частности. Зайдя к шестидесятичеству в тыл, мы избавились еще от одной иллюзии. Стало ясно, почему многие интуитивно не любили «Мастера», ругаясь и чертыхаясь по поводу героев, сюжета и стиля.

Михаил ЗОЛОТНОСОВ

«презираю овал» и сам всю жизнь не лез в драку! Точнее уж было бы сказать: «Стащите мастера с баррикады». Ибо хочется чего-то тихого, отстраненного, беззлобного, угонченного, всепримиряющего.

На самом-то деле в таких просьбах речь идет вообще не о Булгакове и баррикадах, а о сложившейся традиции интерпретации и монополии на изучение, сохранять которую сегодня стало делом невозможным. Тогда и начали стыдить. В общем виде, но художественно-публицистическими средствами проблема описана в романе Александра Кустарева «Разногласия и борьба» («Аврора», 1990, № 3—4), посвященном судьбе литературного наследия некоего вымышленного писателя Свистунова, кстати, родившегося в 1894 году (булгаковское поколение, о котором так любит писать М. Чудакова).

Как точно заметил Кустарев, живущий в Лондоне (его роман написан в 1983—1984 гг.), на рынке культурозавоев с неизбежностью начинается борьба, с одной стороны, между русскими националистами и «старыми» интеллигентами, с другой стороны, между родственниками и литературоведами, с третьей стороны, между учеными и партийно-наблюдательными органами: за право подойти к рукописям, первым и единственным их издать, соответственно истолковать, занять все журнальные и газетные площадки своими статьями, отвоевать место из международных конференциях.

История изучения Булгакова блестяще подтверждает кустаревскую модель, было воспроизведено все, включая обвинения идеологические и в крайне материалы из архива (в этом М. Чудакову до сих пор обвиняет Л. Яновская, производящая впечатление человека большого); запреты администрации ГБЛ на работу с материалами Булгакова; борьбу родственников за купюры, сохраняющие «идеологически выдержанный» образ писателя...

Не стану трогать всего, но вот еще любопытное сопоставление. В июне 1968

Источилась фактическая почва для исследований, но вместе с тем источилась и идейная почва. Бесспорно, открытые возможности выражения личного отношения к советской истории дали свои положительные результаты, но побочным следствием этого стала игра «освобожденного ума», свободного даже от каких-то обязательных вещей. Так вакханалия, которая развернулась вокруг Булгакова, напоминает бездарный фарс... Все это, однако, вовсе не отменяет добросовестной научной работы, которая идет сегодня...

Цитата взята из статьи Р. Янгирова «Булгаковские дни 1991 года» («Русская мысль», Париж, 1991, 27 сент., № 3897), слова принадлежат А. Смелянскому. Примечательно здесь многое. Например, оценка булгаковедения с неких начальнических позиций, бессознательное присвоение себе позиции лидера и руководства. Чувствуется и рефлексивная ностальгия по тем временам, когда Олег Николаевич Ефремов лично пробивал кипу Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре» через Отдел ЦК КПСС (тогда лишь в этой инстанции разрешались — запрещались издания Булгакова или о Булгакове). Разумеется, что тогда-то ни о какой «вакханалии» и самодеятельности не могло быть и речи: Но любопытно в цитате и другое: констатация истощения фактической и идейной почвы и тут же надежда на «добросовестную» научную работу. Но что она такое может быть вне новых фактов и новых идей? Возможна ли вообще? Не нонсенс ли это?

В чем дело? Можно, в конце концов, изучать и издавать белогвардейца, но что делать с антисемитизмом? Хорошо ли посвящать жизнь изучению творчества человека, который... и т. д. (А что делать исследователям Достоевского?). Отсюда призыв: изучение в неверной направленности прекратить. Что ж, все